

СВЕДЕНИЯ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ ОГЛАШЕНИЮ В ПЕЧАТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-е ГОДЫ

В любом государстве при любом политическом строе не вся информация передается гласности, что всегда объясняется наличием тайн: военной, государственной, коммерческой и т.п. В Советском Союзе число таких тайн достигло немыслимого количества. Зачастую в разряд государственных тайн попадали совершенно безобидные сведения. Начало процесса засекречивания информации из самых различных сфер жизни общества приходится на 1920-е годы – время создания и становления такой мощной цензурной организации, как Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит).

Главлит присылал своим местным органам в губерниях под грифом "Совершенно секретно" инструкции по просмотру периодической и непериодической печати. В одной из первых инструкций в разделе "А" приводились "Специальные правила и ограничения", в разделе "Б" – "Временные правила и ограничения".

В разделе "А" предлагалось "1) допускать печатание лишь тех церковных праздников, которые предусмотрены советским табелем, причем наименование этих праздников должно быть сокращенным: не "Рождество Господа нашего Иисуса Христа", а просто "Рождество", не "Светлое Христово Воскресенье", а "Пасха", не "День Святого Духа", а "Духов День" и т.д.

2) В связи с предстоящим введением в Республике метрической системы мер ... ни в коем случае не допускать печатание русских мер без параллельного приведения (в скобках) мер метрических.... Начиная с 1-го января 1924-го г. необходимо на первом месте приводить метрические меры и в скобках русские.

3) Во всех, без исключения, рукописях, кроме богослужебных, не допускать печатание с больших букв "бог, господь, дух" и т.д." [1].

Кроме того, запрещалось печатание географических карт СССР и ее отдельных областей без визы НКВД на каждую отдельную карту. Не допускалось применение старой орфографии, публикация произведений контрреволюционных авторов и сотрудничающих с контрреволюционными издательствами.

В разделе "Временные правила и ограничения" предлагалось не допускать к опубликованию статей о заработной плате, "если они написаны в строго деловом, спокойном, фактическом тоне и заостряют вопрос в сторону взаимоотношений между профсоюзами и хозорганами" [1]. Запрещались статьи по вопросам экспортно-хлебных операций, печатание курсов на золото, серебро и иностранные валюты вольных бирж (кроме фондового отдела Товарной биржи, Котировальной комиссии, Наркомфина и Госбанка) и законодатель-

* © А.В. Прудников, Красноярский государственный университет, 2006.

ных материалов СНК (без визы Управляющего Делами Совнаркома). Предлагалось "не допускать к выходу в свет религиозной литературы сектантов без предварительного согласия Главлита"[2].

Начиналась пора тотального засекречивания. Самым эффективным методом контроля стал выпуск секретных циркуляров, которые сводились в "Перечни сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в целях охранения политико-экономических интересов СССР".

Первый из них вышел в 1925 г. в виде 16-страничной брошюры с грифом "Совершенно секретно" и содержал 96 параграфов. Запрещалось публиковать данные о беспризорных и безработных, о контрреволюционных налетах на правительственные учреждения, о состоянии мест заключения, сведения о количестве преступлений, о столкновении властей с крестьянами при проведении налоговых и фискальных мероприятий, о столкновениях при принуждении к трудовой повинности.

Был такой "Циркуляр Главлита о запрете публикации сведений о самоубийствах и умопомешательствах. 23 апреля 1925 г. Секретно. Циркулярно. Всем Гублитам и Политредакторам Главлита. Главлит предлагает не допускать помещения в печати сообщений о самоубийствах и о случаях умопомешательства на почве безработицы и голода..." [3]. Также запрещалось печатать сведения о наличии медикаментов в аптеках и о помощи районам, охваченных неурожаем. Главлит не разрешал публиковать сведения "о зараженности хлеба долгоносиком, клещом и прочими вредителями, во избежание паники на внешних рынках и злонамеренного истолкования этих сведений враждебной печатью" [3]. В 1927 г. вышел новый перечень, запрещавший сведения о волнениях, забастовках, беспорядках, манифестациях и политических настроениях масс.

Особой тайной были покрыты передвижения и жизнь вождей. Циркуляр ОГПУ "рекомендовал": "а) все сведения... касательно членов Правительства и ЦК впредь до согласия с ОГПУ (Отдел Политконтроля) в печать не давать, за исключением сведений, когда поездка совершается с агитационной целью...

б) Всякая посылка репортеров, фотографов и им подобных работников вслед за отъезжающими членами Правительства, как равно и в места пребывания их вне Москвы, без специальной визы ОГПУ (Отдел Политконтроля) ЗАПРЕЩАЕТСЯ" [4].

Редакции, нарушившие эти правила могли быть подвергнуты штрафу, а репортеры и фотографы – аресту. Чтобы получить разрешение, требовалось подать заявку с приложением фотографической карточки человека, который получал удостоверение. Все это объяснялось тем, что появление таких сведений в печати заранее облегчало работу иностранным шпионам. Нельзя было помещать заметки о ремонте Большого театра, который часто посещался членами Правительства. После окончания ремонта статьи о театре возможны были только с разрешения коменданта Кремля.

Предлагалось не допускать к печати "материалы, дискредитирующие работу цензурных органов: всякого рода сведения (статьи, заметки и т.п.), дискредитирующие работу органов предварительного и последующего контроля печатного материала, а также материалы, раскрывающие существующие формы и методы цензурной работы" [5].

Наибольшему засекречиванию подвергались сведения о Красной Армии. В печать должны были попадать лишь некоторые данные, которые, по мнению военных, не могли причинить вред. Однако в прессу продолжала проникать информация из военных сфер, поэтому были приняты срочные меры. В мае 1925 г. Начальник Штаба 26-й Златоустовской строевой дивизии г. Красноярска под грифом "Секретно" получил следующий приказ: "Несмотря на ряд приказов и циркуляров о принятии всех мер к сохранению военной тайны, случаи разглашения ее, особенно в печати, не уменьшаются. Обычно это происходит через помещения в печати данных о состоянии Красной Армии<...>

<...>Революц-й Воен-й Совет Округа еще раз обращает Ваше внимание на необходимость самой решительной борьбы с разглашением военной тайны<...> и требует:<...>

3) назначить в управлениях корпусов и дивизий ответственных сотрудников для наблюдения за местной прессой<...>

4) обратить особое внимание на прекращение помещений в печати сведений, освещающих те или иные стороны Красной Армии и могущих быть использованными в шпионских целях" [6].

Особую бдительность советская власть проявляла по отношению к церковной журналистике. Не допускалось никакого творчества духовных публицистов, к публикации разрешались рукописи только догматического характера без комментариев, тиражи Библии постоянно снижались. Основная масса материалов религиозного характера, предназначенных к печати, просматривалась в центре. Этот вопрос был настолько важным, что его разрешение не доверяли местным цензорам. Из циркуляра Главлита от 25 мая 1926 г.: "На местах следует рассматривать только материалы, предназначенные к опубликованию в изданиях типа "Епархиальных ведомостей", содержащих в себе только официально административные материалы, объем и тираж которых согласованы с Главлитом... Все же прочие рукописи и материалы церковного, справочного и пропагандистского характера должны просматриваться исключительно в центре, и поэтому вам надлежит пересылать их в Главлит" [7]. Запрещалась публикация "заметок о новообращенных, о росте того или иного религиозного течения" [8].

Публикации на экономическую тему также подвергались строгой цензуре. Все больше и больше сведений попадало в разряд военной тайны. Нельзя было писать о бедствиях людей, о дефиците и о голоде. Со-

крытию подлежали данные об экспорте зерновых, грибов и т.п., о ходе посевной и перспективах на урожай, цифры по отдельным районам. Под грифом "Совершенно секретно" вышел циркуляр Главлита, запрещающий рекламу зарубежных товаров: одежды, продуктов, обуви, косметики, бытовой техники и т.п. Таким вот образом советская цензура заботилась об отечественном производителе.

Наконец еще одна запретная тема – публикация о любых природных и техногенных катаклизмах. Циркуляр 1924 г. гласил: "Главлит сообщает к исполнению, что всякого рода корреспонденции, сообщения и т.п. о крушениях поездов, за исключением сведений о том, поступающих из РОСТА, не могут допускаться к помещению до согласования их с органами ОГПУ". В Советском Союзе не могло быть катастроф и стихийных бедствий.

Это лишь малая часть сведений, не подлежащих оглашению в печати. С каждым годом их становилось все больше и больше. Но по-настоящему цензоры взялись за охранение государственных интересов после свертывания НЭПа, когда в стране начался процесс милитаризации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр хранения и изучения документов новейшей истории г. Красноярск (ЦХИДНИ). Ф. 1, оп. 1, д. 560, л. 55.
2. Там же, л. 56.
3. Горячева Т.М. История советской политической цензуры. Документы и комментарии / Т.М. Горячева – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 444.
4. Там же, с. 451-452 .
5. Блюм А.В. Министерство правды / А.В. Блюм // Новое время. - 2002. – № 22. – С. 38.
6. ЦХИДНИ, Ф. 1, оп. 1, д. 555, л. 51.
7. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды» / А.В. Блюм. – СПб.: Гум. агентство «Академический проект»: ТОО «Абрис», 1994. – С. 130.
8. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учебное пособие / Г.В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 262.
9. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды» / А.В. Блюм. – СПб.: Гум. агентство «Академический проект»: ТОО «Абрис», 1994. – С. 133.